

Юй Ланьши привел Чжэн Шаньцзы в лавку украшений. Покупателей внутри было немного, и почти все — люди знатные, в дорогих одеждах. На витринах теснились всевозможные нефритовые венцы: в форме лошадиного копыта, украшенные лепестками лотоса, с ажурной резьбой и трехзубчатые... Глядя на всё это многообразие, Шаньцзы почувствовал, как у него рябит в глазах. Он не видел в них никакой разницы и в глубине души предпочел бы просто перехватить волосы обычной лентой — так было бы куда проще.

Приказчик поспешил к ним, явно намереваясь пуститься в долгие описания, но Ланьши небрежно взмахнул рукой:

— Мы посмотрим сами.

В делах, касающихся подобных вещей, юноша не знал равных — он обладал безупречным вкусом и не нуждался в чьих-либо советах. Мужу оставалось лишь послушно следовать за ним шаг в шаг.

С довольным видом Ланьши выбрал венец, украшенный лепестками лотоса. Когда-то Юй Чансин говорил ему, что лотос, рождаясь в иле, остается чистым, а потому символизирует благородство и чистоту помыслов — качества «цзюньцзы». Почти все чиновники и сыновья знатных родов в столице носили именно такие, желая подчеркнуть свою добродетель. Ланьши считал, что Шаньцзы этот венец подойдет идеально — ведь в его глазах тот и был истинным благородным мужем.

Когда Чжэн Шаньцзы примерил украшение, его лицо, казавшееся выточенным из нефрита, преобразилось, а брови, темные, точно тушь, стали еще выразительнее.

— Тебе очень идет, — похвалил Ланьши. Он и раньше знал, что супруг его хорош собой, но теперь, когда тот принарядился, его красота и вовсе стала ослепительной.

— А теперь примерь вот этот, — юноша протянул ему другой венец.

Шаньцзы послушно исполнял все просьбы.

Когда выбор был сделан, Ланьши с легким сердцем отправился расплачиваться. Месячное жалованье у него давно закончилось, но личные сбережения еще водились.

— Ты в нем такой красавец, так что носи почаще, — наставлял он мужа.

Управляющий лавкой, видя, что платит Ланьши, да еще и сопровождает это такими словами, бросил на Чжэн Шаньцзы весьма двусмысленный взгляд. Тот лишь невольно усмехнулся и негромко ответил:

— Хорошо.

Они вместе вышли из лавки. Ланьи велел Цзинь Юню увести черного коня погулять — хозяин нынче не собирался в седло, а предпочел уйти вместе со вторым господином.

Шаньцы шел рядом с Ланьи, наслаждаясь прогулкой. Никогда прежде он не чувствовал себя так легко и непринужденно.

Вдруг они увидели, как дяньши Чжу прижал какого-то человека к земле и со свирепым видом рявкнул:

— А ну, не дергайся!

Заметив Чжэн Шаньцы, Чжу хотел было склониться в приветствии, но тот едва заметно качнул головой. Дяньши передал задержанного подоспевшим стражникам и, дождавшись, пока толпа разойдется, подошел к супругам.

— Чиновник Чжэн, это местный бродяжка, промышляет мелкими кражами. Всего полмесяца как вышел, и вот — опять за старое, — поспешно объяснил Чжу, боясь, как бы начальник не подумал о нем чего дурного.

— Понимаю. Но сегодня ведь выходной, почему ты... — Шаньцы осекся, заметив, что Чжу одет в обычное платье, а не в служебную форму.

— Да вот, собрался на рынок за уткой к обеду, глядь — а этот парень уже ворует. Пришлось приструнить, — дяньши и впрямь держал в левой руке уже оципанную тушку.

Убедившись, что больше не нужен, он откланялся и поспешил по своим делам.

— На вид этот Чжу — сущий разбойник, а надо же, какой ответственный, — заметил Ланьи.

— Человек он и впрямь неплохой, — согласился Шаньцы.

Вернувшись домой, муж убрал венец в шкаф, а новые книги положил на столик у кровати. Заодно он привел в порядок стопку книжек с историями, которые Ланьи вечно раскидывал как попало.

Затем он вышел во двор на поиски супруга — раз обещал провести выходной с ним, значит, слово надо держать.

В галерее Ланьи не оказалось. Заглянув в главный зал, Шаньцы увидел, что тот о чем-то

шепчется с Цзинь Юнем, но стоило чиновнику войти, как оба мгновенно умолкли.

Он не подал виду, что заметил неладное.

— Ланьи, какие планы на вторую половину дня?

— Чжэн Шаньцы... скажи честно, у меня ведь почерк совсем никудышный, да? — Ланьи просительно заглянул ему в глаза.

Вспомнив те письма, что тот присылал ему еще до свадьбы, Шаньцы просто не нашел в себе сил солгать.

— Ну... честно говоря, не самый изящный, — деликатно ответил он.

«Не самый изящный» — это же значит «уродливый»! Ланьи одновременно и разозлился, и расстроился. Мог бы и подбодрить, сказать, что пишет он сносно, просто нужно еще немного попрактиковаться!

Он смерил мужа яростным взглядом.

— С чего это ты вдруг об этом спросил? — кашлянул тот, пытаясь сгладить неловкость.

— Письма пришли. От отца, папы и старшего брата.

Пока Ланьи ехал в Синьфэн, он на каждой почтовой станции или в трактире писал весточки домой — это было делом, в котором он проявлял завидное упорство. Иногда он строчил за столом, иногда — растянувшись на кровати и положив бумагу на подушку. При этом он то хмурился, вгрызаясь в кончик кисти, то расплывался в улыбке, когда описывал что-то веселое. Его лицо всегда было таким живым, что Шаньцы невольно засматривался на него.

Письмо Хоу Чаняна было полно наставлений — типичный поучающий тон родителя. Ланьи пробежал его глазами по диагонали. Если бы отец узнал, что сын хотя бы дочитал письмо, он был бы вполне доволен.

В письме Фулана Юя было много заботы: как он устроился, ладит ли с мужем.

«Давно от тебя не было вестей, и сердце мое не на месте. Здоров ли ты? Привык ли к местной еде? Хорошо ли Чжэн-зять с тобой обходится? Ты с детства был окружен лаской, но я верю, что ты справишься со всеми трудностями... Если случится что важное — непременно пиши. Мы в столице живем мирно, о нас не беспокойся».

Читая эти строки, Ланьи вспомнил папу, и кончик его носа невольно покраснел.

Затем он вскрыл письмо от Юй Чансина. Оно было написано в обычном строгом стиле: брат велел пока оставаться в Синьфэне и обещал что-нибудь придумать, а если кто обидит — сразу писать. Но в конверте был еще один листок — оказалось, это было письмо самого Ланьи, которое он отправлял брату ранее.

Чансин обвел кружками все ошибки и неразборчивые каракули. Старший брат и не подозревал, что почерк Ланьи настолько плох, поэтому, хмурясь, вложил листок обратно в конверт.

А в конце приписал: «Пусть муж тебя поучит».

Именно поэтому Ланьи и задал Шаньцы тот вопрос. Конечно, признаваться в истинной причине он не стал, а вместо этого с достоинством произнес:

— Я тут внезапно осознал, что мне нужно подтянуть каллиграфию. Пожалуй, я прошу тебя давать мне уроки.

На этот раз он даже добавил вежливое «прошу».

Шаньцы с улыбкой кивнул:

— Хорошо. Каждый вечер после службы буду заниматься с тобой в кабинете.

Ланьи тут же воодушевился: с таким наставником он наверняка станет писать лучше.

— Знаешь, — добавил он, — хоть ты и цзиньши третьей ступени, но знаний в тебе всяко больше, чем во мне. Ты молодец.

Шаньцы невольно вспомнил их прошлые перепалки — как быстро юноша сменил гнев на милость!

— Хотя в нашей семье у тебя самый низкий чин, — Ланьи задумчиво нахмурился. — Старший брат — чжуаньюань в военных науках, второй двоюродный брат — цзиньши второй ступени, а младший двоюродный брат и вовсе генерал-лейтенант...

Шаньцы: «...»

Ни в учебе не переплюнуть, ни в драке не сдюжить. Хоть ложись да помирай.

Заметив его лицо, Ланьи лукаво сощурился:

— Но я-то в тебя верю!

Встретившись с ним взглядом, Чжэн Шаньцы тоже не сдержал улыбки. С тех пор как они зажили вместе, он стал смеяться куда чаще.

— Не разочаруй меня, — юноша шутливо толкнул мужа в плечо.

— Конечно... — отозвался тот.

Ланьи сложил письма в заветную шкатулку и решил сам попробовать что-нибудь написать. Глядя на свои кривые, вкривь и вкось расплзающиеся иероглифы, он смущенно почесал щеку — да уж, не похоже на почерк человека, которого учили лучшие наставники. Вспомнилось, как учителя в столице то и дело выходили из себя, глядя на его успехи.

Ему никогда не было понятно, почему от одного голоса учителя его сразу клонило в сон. Но теперь он твердо решил: нельзя позориться. Нужно научиться писать хотя бы ровно и разборчиво.

Теперь у него появилось дело. Пока Шаньцы был на службе, Ланьи старательно выводил по три листа крупных иероглифов, а в свободное время по-прежнему гулял с гэ'эр Сюем.

Тем временем в мастерской вскрыли первую партию соуса. Стражник принес горшочек в управу на пробу помощнику Ци, регистратору Цзяну и дяньши Чжу. Едва попробовав, Ци просиял:

— Чудесный вкус! Куда лучше всего, что я пробовал раньше. Островато, но оторваться невозможно.

Цзян и Чжу тоже остались весьма довольны.

Судьба соуса была решена. Шаньцы распорядился передать партию в трактир Чжэнов, чтобы там использовали её как приправу и создали новинке славу. Заодно он передал часть текущих дел Ци и Цзяну.

Помощник Ци не скрывал изумления:

— Чиновник Чжэн, вы доверяете эти бумаги мне? А ну как случится ошибка — ведь тень падет

на вас.

— Чиновник Ци, вы — помощник начальника уезда, и работа с документами — ваша прямая обязанность. Я же всего лишь один человек и не могу взваливать всё на свои плечи.

Раньше Ци относился к Шаньцы с опаской, но теперь не мог не восхититься его прямоотой и умением делегировать власть — на такое был способен не каждый.

Регистратор Цзян промолчал, но свою долю бумаг принял без возражений.

Пришли указы из столицы: уездным властям велели уделить особое внимание ирригации и пашням. Подумав, Шаньцы велел Ван Фу передать регистратору Цзяну, чтобы тот составил воззвание к народу и вывесил его у ворот управы — пусть люди знают о важности заботы о земле. У Шаньцы и самого планов было громадье, но для ирригации нужны были деньги, а казна была не так уж полна.

Теперь, когда часть бумажной волокиты переключалась к помощникам, Чжэн Шаньцы стало куда легче. Разобравшись с делами, он отправился во двор, взял немного земли и принялся внимательно её изучать. Чтобы быстро вернуть почве силу, нужны были удобрения. Память о прочитанном в книгах была туманной, так что приходилось экспериментировать с составами самому.

Он не боялся испачкать руки или замарать чиновничье платье — он просто склонял голову и сосредоточенно наблюдал за землей.

Трактир семьи Чжэн представил новое меню — и всё сплошь с перчинкой. Курица, рыба, утиные лапки — всё было острым и пряным. Посетители ели с таким азартом, что любо-дорого было смотреть. В дополнение к острым блюдам трактир стал подавать прохладный травяной чай — он идеально утолял жажду, и гости, распробовав это сочетание, только его и требовали.

Так соус семьи Чжэн в одночасье стал знаменитым.

Дяньши Чжу и сам полюбил обедать в трактире. Заказывая что-нибудь поострее, он чувствовал, как по телу разливается бодрость, и довольно ухмылялся: раз жителям Синьфэна так пришлось по вкусу эта еда, значит, товар будет продаваться еще лучше.

— В лавке горшочек стоит всего двенадцать вэней. Купишь такой — и дома надолго хватит, к любому блюду приправа. Выгода очевидная! — рассуждали смекалистые едоки.

Те, кто не мог себе позволить часто ходить в трактир, тоже потянулись за покупкой. Раз всё равно нужно что-то покупать, почему бы не взять то, что действительно нравится? Тем более

цена была ничуть не выше, чем у других.

Мастерскую обустроили в пригороде, а лавку открыли на самой людной улице. Управе не составило труда выделить под это дело хорошее место.

Едва приказчики выставили товар, как в дверях появился первый покупатель.

— Скажи-ка, парень, этот соус такой же на вкус, как в трактире Чжэнов? — спросил статный мужчина средних лет.

— Точь-в-точь, почтенный господин! У нас и на пробу взять можно, если желаете.

Мужчина церемониться не стал, попробовал и просиял:

— И впрямь, вкус тот самый!

Он тут же велел завернуть двадцать горшков. Дав какому-то мальчишке пять взней, он отправил его в свою лавку — кликнуть работников, чтобы помогли донести товар. Оказалось, этот человек и сам держал едальню. В последнее время трактир Чжэнов переманил у него немало гостей, вот он и решил: если подавать такие же острые блюда, то и люди потянутся обратно.

Пусть его повара не так искусны, но с этим соусом любое блюдо станет вкуснее. Глядишь, так и вернут себе доброе имя.

Против самих Чжэнов он замышлять ничего не смел — дураков нет с властями связываться.

Управляющий велел приказчикам помочь дотащить покупку до тележки и с улыбкой добавил:

— Вот, возьмите еще один горшочек в подарок как нашему первому покупателю!

Мужчина виновато улыбнулся в ответ.

Вскоре потянулись и другие покупатели. Первый день прошел на славу, и лавочник Цзян не скрывал радости. Когда за спиной стоит сама управа, торговать легко — никто не посмеет чинить препятствий. О прибылях и убытках пусть голова у начальства болит. Впрочем, если дело пойдет в гору — и им перепадет немало. С такими условиями Цзян не раздумывая согласился пойти в управляющие.

Соус закупали и другие рестораны, и заезжие купцы — те брали целыми партиями, чтобы перепродать в соседних уездах и заработать на разнице в цене. Дело мастерской началось с

блестящего успеха.

Юй Лань гулял по городу с гэ'эр Сюем. Заметив очередь у лавки, Сюй негромко произнес:

— С тех пор как приехал чиновник Чжэн, Синьфэн стал совсем другим.

Шаньцы разобрался со старыми тяжбами, и жители уезда стали доверять ему всё больше.

— И еда стала вкуснее! — добавил Лань.

Сюй, услышав это, лишь тепло улыбнулся. Юноша привел друга в трактир семьи Чжэн — чего зря деньги чужим отдавать, когда можно поддержать свое дело?

— Лань, а сколько вы с Чжэн Шаньцы уже женаты? Мне всё кажется, будто вы только вчера свадьбу сыграли, — заметил Сюй.

Тот задумался.

— Почти полгода уже.

Надо же, и впрямь полгода пролетело. Одного пути сюда больше двух месяцев вышло.

— Значит, поженились еще до того, как его назначили сюда?

Лань невнятно угукнул, продолжая уплетать обед. В голове невольно мелькнула мысль: они женаты уже столько времени, а он так и не узнал, каков на вкус тот самый «сок плоти», о котором пишут в книжках для гэ'эр.

Сюй понимающе кивнул:

— Какое же у тебя всё-таки счастье.

Когда Шаньцы вернулся домой, Лань уже ждал его в кабинете. Переодевшись в домашнее, чиновник принялся учить его каллиграфии.

<http://bllate.org/book/15809/1435632>